

М. В. ИВАНОВ

ДЕРЖАВИН И НОВИКОВ

Место Новикова в истории русской литературы далеко не выяснено. Объективной оценке деятельности этого крупного просветителя долгое время мешало то, что его не считали писателем, а говорили о нем только как о педагоге, журналисте, книгоиздателе. Художественную прозу Новикова «распределяли» между его современниками (Фонвизиным, Радищевым), исходя именно из такой посылки. Следствием подобного подхода было то, что Новиков исключался из литературного движения, темы «Новиков и...» (Карамзин, Фонвизин и пр.) никем не рассматривались; устанавливались лишь деловые и биографические связи.

Однако отзывы известных литераторов, современников Новикова, свидетельствуют, что его считали писателем, причем крупным писателем. Вот как пишет о нем в своих воспоминаниях И. И. Дмитриев: Новиков «не имел, как и многие из наших писателей, классического образования. Имя его стало известно с семидесятых годов, по изданию им <...> двух еженедельников: „Трутня“ и „Живописца“ <...> Они отличались от сборников чужой и домашней всякой всячины и более отзывались народностию, хотя и менее об ней твердили, нежели нынешние наши журналы».¹ Так же высоко оценивает писательский талант Новикова и Карамзин. «Записка о Н. И. Новикове» (1818 г.) Карамзина начинается словами: «Господин Новиков в самых молодых летах сделался известен публике своим отличным авторским дарованием: без воспитания, без учения писал остроумно, приятно и с целию нравственною».²

Одним из первых в советском литературоведении оценил Новикова как писателя Г. А. Гуковский.³ Но наиболее полно эта

¹ Сочинения И. И. Дмитриева, т. II. СПб., 1893, с. 27. Все выделения курсивом, кроме специально оговоренных, принадлежат автору настоящей статьи.

² Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1964, с. 231.

³ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939, с. 252—282.

проблема разработана в книге Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века», изданной в 1952 г. Доказав, что «Письма к Фалалее» и «Путешествие в*** И*** Т***» принадлежат перу Новикова, а не Фонвизина и Радищева, Г. П. Макогоненко тем самым установил некоторые связи творчества Новикова с творчеством двух гениальных его современников. В этой же книге впервые отмечаются и некоторые общие черты мировоззрения Новикова и Державина (с. 332—338). Цель настоящей статьи — более подробно рассмотреть личные взаимоотношения и общность идей этих двух писателей.

С 1779 по 1792 г. Новиков издал около 900 книг. Как истинный просветитель он стремился познакомить русского читателя с самыми крупными достижениями западноевропейской культуры. Новиков печатает труды знаменитых философов-просветителей (Дидро, Вольтера, Даламбера, Локка), книги известных сентименталистов (Стерна, Голдсмита, Юнга, Руссо). Однако по своему художественному методу Новиков был близок к просветительскому реализму, поэтому он особенно пропагандировал произведения своих «единомышленников»: мещанские драмы Лессинга, Дидро, Бомарше; романы Филдинга, Смоллетта и пр. И здесь уже приходится говорить не о чисто издательской деятельности, а об утверждении русским писателем новой социальной, этической и эстетической программы, которая воплотилась в творчестве как западноевропейских просветителей, так и русских, в том числе в творчестве самого Новикова. И писательский и издательский труд Новикова способствовал созданию в России «просветительской атмосферы», и равного Новикову на этом поприще не было. Державин, знавший лишь немецкий язык, с большинством произведений мировой литературы мог познакомиться только в русских переводах; неудивительно, что библиотека поэта в основном состояла из новиковских изданий. Только за 3 года (1784—1786) Державин приобрел в лавках Новикова около 300 книг на сумму 555 рублей. Среди них сочинения Свифта, Дефо, Локка, Бюффона, Ломоносова и др. В «щёте», присланном Державину для оплаты покупок, Новиков называет книги, которые служили чтением просветителей Европы и России: «Жизнь Бэкона», «Наказ» Екатерины II, «Юлий Цезарь» Шекспира, «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» Мильтона, «Живописец» самого Новикова, «Древняя российская вивлиофика», сочинения Платона, Вергилия, Апулея, Корнеля и др. (письмо к Державину от 11 декабря 1786 г.).⁴

Книгоиздательская деятельность Новикова была тесно связана с филантропической — в лучшем смысле этого слова. По его инициативе и частично на его деньги открывались библиотеки,

⁴ Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, т. 5. СПб., 1868—1883, с. 645—651. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц.

приюты для сирот, аптеки с бесплатными лекарствами; Новиков организовал помощь голодающим и проч. Особую известность приобрело издание им в 1777 г. журнала «Утренний свет». В первом же номере было объявлено, что все средства, полученные от продажи журнала, пойдут на устройство училищ для бедных детей. Поэтому подписчики и пожертвователи, имена которых печатались в конце журнала, выступали как бы компаньонами Новикова, открыто заявляли о своей поддержке его благородного начинания. Среди подписчиков был и Державин. Организация этих пансионов имела такой большой успех, что Екатерина испугалась, как бы Новиков не стал главой школьного дела в России. Императрица поспешила учредить государственные училища, запретив Новикову расширять сеть частных учебных заведений. В 1780-е годы царица начинает открыто преследовать Новикова: в 1785 г. она назначает следствие по его делу, которое ведут гражданские и духовные власти. И в это время Державин просит Новикова помочь ему в организации типографии в Тамбове и получает от него поддержку и советом и делом. Установление деловых связей с Новиковым в обстановке, когда Екатерина высказывает тому свое неблаговоление, является выражением сочувствия и признания деятельности опального просветителя. Арест и тюремное заключение Новикова Державин считал делом несправедливым. Поэт ставил в заслугу Павлу то, что он освободил и даже сперва приблизил к себе этого гуманного, высоко нравственного человека. Впрочем, как с грустью замечает Державин, при дворе восторжествовала партия, «державшаяся эпикуреизма», которая «скоро свернула голову господам мартинистам» (III, 658).

Перечисленные факты почти исчерпывают то, что нам известно о «внешней» связи Новикова и Державина (деловые отношения, отзывы одного о другом). Но в творчестве этих писателей можно различить и более глубокие, внутренние, мировоззренческие связи.

Коренной вопрос, в решении которого разошлись Державин и Новиков, — это вопрос о крепостном праве. Для Новикова как истинного просветителя крепостное право — страшное зло. Основная идея новиковских журналов — «Трутня», «Живописца» — идея борьбы с безнравственностью, бесчеловечностью крепостничества («Письма к Фалалею», «Отписки крестьянские», «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» и пр.), хотя исправить это зло можно, по Новикову, только мирным путем: просвещением нравов. Для Державина крепостное право свято; он выступил даже против такой ничтожно либеральной меры Александра I, как «указ о вольных хлебопашцах». Да, Державин иногда говорил об излишне жестоком обращении с крепостными: в идеальном государстве Державина помещики не должны «выжимать из своих подданных последней крохи, как из лимонов сок» (III, 607). Но речь идет только о злоупотреблениях. И вообще для Державина вопрос о крепостном праве не очень существен (вопрос об

упорядочении, скажем, административной системы для него намного важнее). В своих же произведениях — от ранних опытов и до «Жизни званской» — поэт изображает отношения барина и мужика идилично.

Однако в сознании человека эпохи Просвещения не социально-политические вопросы стояли в центре: они осознавались как следствие проблемы личности.⁵ И критика существующего положения, и общественные идеалы основывались на принципе жизни свободного, разумного, «естественного» человека. Человек — центр мира, человек — высшее существо, высшая ценность. И такое понимание личности было общим и для Новикова и для Державина. Их человек богоподобен, ближе всех существ к богу.⁶ В своей статье «О достоинствах человека в отношении к богу и к миру» (1777) Новиков писал: «Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечныя цепи действительно существующих вешеств <...> Бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами свое величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити».⁷ Почти подобное, а возможно, и перелагая стихами мысль Новикова, писал Державин в оде «Бог» (1784):

... Ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод...
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайняя степень вешества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, — я раб, — я червь, — я бог.

(I, 200)

Утверждая великие возможности, заложенные в каждом человеке, и Новиков и Державин признают внесловную ценность личности как самую важную. И дело не только в том, что в оде «Бог» Державин провозглашает «библейское» равенство людей: перед богом все равны; внесловный принцип подхода к личности проявляется у Державина в изображении всех сторон человеческого бытия.⁸ Приведем только один пример. В оде «На

⁵ Объективно идея отрицания крепостного права является основной идеей учения просветителей, но субъективно она не осознавалась как главная.

⁶ Подробнее на эту тему см.: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1952, с. 332—339.

⁷ Новиков Н. И. Избр. соч. М.—Л., 1951, с. 388, 390.

⁸ Эта тема подробно разработана в советском литературоведении. См.: Гукowski Г. А. Вступительная статья. — В кн.: Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1947, с. V—VI; Макогоненко Г. П. От Фонвизина

знатность» (1774) говорится о чести и добродетели как о достоинствах дворян, т. е. выдвигается сословный принцип. Перерабатывая оду в 1794 г., поэт заменяет слово «дворянство» словом «вельможа»: породу заменяют личные заслуги человека, отличившегося на государственном поприще.

Однако жизнь человека просветителями понималась как удовлетворение исконных, «естественных», от рождения данных потребностей. Этим утверждалась законность требований личности на счастье и свободу. Так, в произведениях Державина воссоздается яркий, вещный, сияющий мир; поэт прославляет жизнь плотскую, радостную и индивидуальную. Но в таком случае противоречиво решался вопрос: а что же определяет общественное поведение индивида? Коль скоро личная жизнь понималась как семейно-бытовая, а не социальная, то из нее не могла быть выведена гражданская деятельность. И Новиков выдвигает теорию человека как средства (статья «О достоинствах человека. . .»), утверждает, что внушенный богом нравственный долг повелевает человеку трудиться на благо общества. И у Державина, и у Новикова в принципе и личная жизнь, и общественная деятельность представляются как «естественная» функция человека, но они никак не связаны между собой, не определяют друг друга, а разве что соседствуют и ограничивают друг друга. Поэтому в стихотворении «К первому соседу» (1780) Державин пишет:

Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

(I, 106)

Вот почему пышно описанные в «Вельможе» пиры и празднества не содержат обвинения плохим сановникам: по типу они близки к описаниям в стихотворении «Приглашение к обеду» и даже могли бы быть туда вставлены. Державин порицает недостойного вельможу не за роскошную жизнь, а за то, что тот за пирами забыл о вдовах и инвалидах, которые ждут в приемной его помощи. Для примера сравним «Вельможу» с «Размышлениями у парадного подъезда» Некрасова. Ситуации сходны. Но у Некрасова мотив социальной сатиры и обличения проникает в описание быта министра, его личная жизнь является объяснением общественной позиции, и наоборот, — это две стороны одного явления («Но счастливые глухи к добру»).

У Державина, как видим, эти две стороны (быт и социальное бытие) распадаются на две обособленные сферы. И синтезировать их поэту не удастся: общественная жизнь даже не описывается, а декларируется — патетично, абстрактно, риторично; быт же изображается эмпирически. Самое же большее, что мог сде-

до Пушкина. М., 1969, с. 367—432; Серман И. З. Г. Р. Державин. Л., 1967; Запатов А. В. Мастерство Державина. М., 1958.

лать Державин, это показать, что истинный государственный муж и в простой жизни добродетелен («Фелица», например). Интересно отметить, что себя поэт никогда не изображает сразу как бытового человека и государственного деятеля. К исключениям, подтверждающим правило, относится «Мой истукан» (1794), где Державин сперва говорит о своей общественной деятельности («отер сиротски, вдовьи слезы», воспел Фелицу), но, не находя ее достойной славы, предлагает супруге убрать свой бюст «в серпяный ... диван». Однако и здесь быт и гражданские дела не находятся в синтезе, а рядопологаются.

Державин и Новиков были людьми долга. Общественная деятельность являлась для них «естественной», разумной потребностью, причем эта деятельность была направлена не на удовлетворение нужд дворянства, а имела общенациональные, патриотические, общечеловеческие цели; на смену сумароковскому принципу сословной морали приходит принцип общечеловеческой нравственности: представитель любого сословия может совершить подвиг на благо родины. В 1777 г. Новиков издал книгу «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», в предисловии к которой писал: «Сей (Матвеев, — *М. И.*) неутомимыми услугами, верностью и преданностью государю, беспредельной любовью к отечеству, милосердием к народу, мудростию и правосудием в делах политических и гражданских, храбростию и прозорливостию в делах воинских и, наконец, ученостию своею снискал себе славное название царского друга и благодетеля народа».⁹ В подтверждение сказанного приводится такой факт: когда Матвеев собрался строить себе дом, то оказалось, что в Москве нет камня. И народ в знак благодарности боярину привез к месту строительства надгробные плиты. Державин прочел эту книгу и впоследствии, в 1791 г., в стихотворении «Ко второму соседу» так откликнулся на описанное событие:

Любовь граждан и слава нам
Лишь воздвигают прочны дома;
Они, подобно небесам,
Стоят и презирают громы.
Зри, хижина Петра доднесь,
Как храм, нетленна средь столицы!
Свят дом, под кой народ гробницы
Матвееву принес.

(I, 442—443)

Утверждение высоких гражданских идеалов осуществлялось и негативным путем, через отрицание. Новиков был первым автором и издателем сатирических журналов, где принципиальная критика выражалась в форме сатиры «на лицо». Когда же Екатерина сумела расправиться с русскими сатириками (изоляция

⁹ Новиков Н. И. Избр. соч., с. 378.

Фонвизина, арест Новикова, закрытие журналов Крылова), их дело продолжил Державин: в 1794 г. он переделывает оду «На знатность» (1777), намного усилив ее критическую направленность.

Решение политических и социальных проблем и у Новикова и у Державина основывалось на разуме и нравственности как «естественных» проявлениях личности, — подход явно просветительский. Следствиями его были нравственное обоснование законов, идеал просвещения как способа обновления наций¹⁰ и идеал просвещенного монарха — человека на троне. (Державин, обращаясь к Екатерине и Александру, так и писал: «Будь на троне человек»). Безусловно, в таком случае возникал вопрос о том, как оценивать не человека, но просвещенного монарха. Державин давал такой ответ:

Нерон, Калигула, Коммоды
Когда на тронах где сидят,
Хоть поздние их помнят роды,
Но помнят так, как мор и глад.

(«Монумент Петра Великого»,
1766—I, 38)

Проблема просвещенного монарха в России стала особенно сложной и запутанной потому, что на русском троне была Екатерина II — женщина энергичная, талантливая, сделавшая много полезного для русского государства. Екатерина хотела слыть просвещенной монархиней, да и была ею с точки зрения науки XX в.¹¹ Но нынешнее понимание просвещенного абсолютизма далеко не совпадает с тем, каким оно было в XVIII в. Если просветители считали обязательным для просвещенного государя управлять на основе разума, гуманности и нравственности, то сейчас ясно: социальная демагогия была необходимой частью новой политики, которую осуществляла Екатерина II; расхождение слова и дела было неизбежным.

Деятельность Екатерины для представителей русской культуры была не просто фактом, а проблемой. И внешняя и внутренняя политика, и идеология Екатерины II оказали огромное влияние на развитие русской общественной мысли. Но Екатерина пожинала горькие плоды; к концу жизни она поняла, что ее стараниями развивались противоположные ей начала (отсюда и реакция в 90-е годы: арест Радищева и Новикова, преследования Фонвизина, сожжение «Вадима Новгородского» Княжнина). Дела

¹⁰ Мы указываем на общие черты общественной позиции этих писателей, хотя и различия могут быть существенными. Так, Державин изредка декларирует необходимость распространения научных знаний. Для Новикова же, человека более образованного, это стало делом жизни. Он считал, что наука положительно влияет даже на нравственность.

¹¹ Федосов А. И. Просвещенный абсолютизм в России. — Вопросы истории, 1970, № 9, с. 34—56.

русской просвещенной монархии серьезно подорвали веру в самый принцип просвещенного монарха — и не только у просветителей типа Фонвизина, но даже у Княжнина.

Отношение Новикова к Екатерине II изучено достаточно подробно. Если до закрытия Комиссии в 1767 г. Новиков и питал какие-то надежды на царицу, то дальнейшая его деятельность направлена против нее. Еще до восстания Пугачева Новиков писал в «Трутне», что эта «пожилая дама» нерусского происхождения проводит политику «кнута и виселицы». В 1782 г. Новиков издал «Пословицы российские». Помимо нападок на личность императрицы (сатира «Седина в бороду, а бес в ребро») Новиков подвергает сомнению и идеал просвещенного правителя (статьи «Близ царя, близ смерти», «Сиди у моря, жди погоды»).

Державин был знаком с Екатериной, и его отношения с ней имели для него важное личное значение. Он был чиновником, придворным, приближенным императрицы. Он чувствовал ее ум, обаяние, личную терпимость; он часто требовал от нее восстановления справедливости, и она часто восстанавливала ее, т. е. принимала сторону Державина, а не Сената. Державин никогда не был ее врагом, а в начале 80-х годов даже создал образ мудрого, просвещенного человека на троне — образ Фелицы. Для Новикова Екатерина олицетворяла весь государственный механизм, все преступления бюрократии он относил на ее, Екатерины, счет. Державин же лучше знал этот механизм и в ряде вопросов отделял Екатерину от него: видел, что и ее возможности ограничены, умел ценить ее добрые дела. Новиков смотрел «снаружи», поэтому, меньше зная дело в подробностях, шире обобщал. Державин же оценивал все изнутри, ему часто не хватало широты подхода Новикова, но он лучше и точнее мог оценить личность Екатерины и степень ее участия в государственных делах. Находясь под обаянием Екатерины, Державин некоторое время отделял ее от «вельмож», видя в ней борца против чиновных корыстолюбцев и ослов со звездами. Немалую роль в положительной оценке императрицы Державиным сыграл и ее «Наказ» 1767 г.

«Наказ» Екатерины, безусловно, не нес в себе никаких конструктивных идей для изменения жизни общества. Все конкретные предложения Монтескье и Беккариа, из трудов которых заимствованы многие положения, Екатерина выбросила. Вместо руководства к действию получился сборник либеральных фраз и моральных сентенций. И все же не следует преуменьшать значение этого государственного документа, в котором впервые в России дается обещание править по законам сердца и разума. К тому же в «Наказе» было изложено столько просветительских идей, что он не только обманул просветителей, но и «просветил» некоторых «непросвещенных». Видимо, «Наказ» сыграл немалую роль в приобщении Державина к идеям Просвещения. Если Новиков пошел дальше «Наказа» (как противник крепостного права, сторонник новой системы воспитания и пр.), то Державин — нет.

Если сравнить «Наказ» с государственно-политической программой Державина, то станет ясно, что в основных положениях она опирается на принципы «Наказа» (см. план к «Видению Мурзы»: III, 606—608).

В теории Державин мало чему мог научить Екатерину, скорее уж он был учеником. Но в том-то и дело, что теория Екатерины так и осталась благим пожеланием (в 1770 г. было вообще запрещено ссылаться на «Наказ»). Дела же творились иные. Уже в плане к «Видению Мурзы», говоря о плотах с виселицами, поэт делал косвенный упрек императрице: по ее приказу так жестоко расправлялись с пугачевцами. В письме к начальнику секретной комиссии Брандту (от 4 июня 1774 г.) Державин писал, что лихоимство и грабительство чиновников являются главной причиной восстания Пугачева. Поэтому свою задачу поэт видел не в выработке новой теории, а в том, чтобы открыть правду монархине, которая своей монаршей властью восстановит справедливость. Но уже в 1782 г. Державину дали понять, что учить царей и открывать им глаза на несправедливости не его дело. А потом, видя, как ведутся дела в государстве и что совершает сама императрица, Державин начинает осознавать, что нет четкой границы между ней и ее «вельможным» окружением. Державин все больше и больше разочаровывается в Екатерине. Вот что писал поэт о ней уже в начале XIX в.: «Коротко сказать, сия мудрая и сильная государыня, ежели в суждении строгого потомства не удержит на вечность имя Великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своим окружающим, а паче <...> любимцам, как бы боясь раздражить их; и потому добродетель не могла так сказать сквозь сей чесночник (частокол, — *М. И.*) пробиться и вознестись до настоящего величия» (VI, 700); «Под конец царствования так послаблено было сие злоупотребление (взятки, — *М. И.*), что можно сказать, на словах запрещалось, а на деле одобрялось» (III, 670).

Именно несоответствие идеала и действительности породило кризис мировоззрения Державина. Так, в 90-е годы он обращается к разработке анакреонтических и гораццианских мотивов,¹² восхваляя добродетель сельской жизни и противопоставляя ей зло города и двора — обиталищ черни (поляризация сторон, абсолютизация отрицательного отношения ко двору здесь, конечно, вызваны законами жанра анакреонтики). Державин уже «не мог так воспламенить своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческого с великими слабостями» (VI, 693). Под давлением сверху, как вспоминает поэт, ему приходилось воспевать Екатерину, но все написанное «было холодное, натянутое и обыкновенное» (VI, 693).

¹² Подробнее см.: Ионин Г. Н. Анакреонтические стихи Карамзина и Державина. — В кн.: XVIII век, сб. 8. Л., 1969, с. 169—178.

Как видим, отношение к Екатерине II, а значит, и к государственному устройству России и у Новикова, и у Державина изменялось в одном и том же направлении. Этот процесс является отражением общей эволюции оценки деятельности императрицы русскими просветителями. Различие только в том, что Новиков, Фонвизин, Княжнин разочаровались в Екатерине еще в конце 60-х—начале 70-х годов XVIII в., Державин же — в начале 80-х годов.

Настоящая статья отнюдь не полностью решает проблему «Державин и Новиков» — это скорее заявка на решение. Но определенные выводы можно сделать. Личные связи этих писателей не были очень тесными, но Державин и Новиков относились друг к другу с большим уважением. Державин сочувствовал общественной деятельности Новикова, а иногда и следовал его начинаниям (открытие типографии в Тамбове). В Новикове поэт видел замечательного, гуманного, высоко нравственного человека («показывает великое о себе мнение относительно христианства», — III, 658). Писательская и книгоиздательская деятельность Новикова способствовала приобщению Державина к идеям Просвещения, давала возможность познакомиться с памятниками мировой культуры. Близки были Державину и философские (особенно этические) взгляды Новикова: о богоподобности человека, о ценности его внутренней свободы и красоте гражданского подвига. Хотя Новиков и Державин занимали противоположные позиции по отношению к крепостному праву, они были страстными защитниками просвещения и законности. Поэтому они и выступили с критикой современного положения в России; иногда это приводило к очень резким выпадам против русского самодержавия («Близ царя, близ смерти» Новикова, «Властителям и судиям» Державина).